
РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ НА УРАЛЕ В 1930-Е ГГ.

В.В. Лавринов

Церковно-археологическое общество
Русской Православной Церкви
ул. Репина, 6а, Екатеринбург, Россия, 620086

Статья посвящена истории репрессий в отношении Русской Православной Церкви на Урале в 1930-е гг. Рассматриваются основные направления политических репрессий, выделяются поворотные вехи в их проведении. Характеризуются методы, масштабы и последствия репрессивной деятельности органов ОГПУ-НКВД.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Урал, религиозные организации, коллективизация, закрытие церквей, обновленчество, сергиевская ориентация, григорианская ориентация, категории репрессированных священнослужителей, политические репрессии.

В 1929 г. курс государственной политики в отношении Церкви резко изменился. 24 января 1929 г. ЦК РКП(б) утвердил циркуляр «О мерах по усилению антирелигиозной работы», в котором подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы (1). 8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли закон «О религиозных объединениях», по которому церковь стала полностью подконтрольна государству (2). Состоявшийся в мае 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов внес изменения в Конституцию РСФСР. Теперь статья закона вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» провозглашала «свободу религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды» (3). В июне того же года на 2-м Всесоюзном съезде воинствующих безбожников прозвучал лозунг «борьба с религией есть борьба за социализм» (4). 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», в котором местным органам власти предлагалось при регистрации церковных объединений исключать из их руководства кулаков, лишенцев и иных «враждебных лиц» (5).

Началось массовое закрытие церквей, которые в городах уничтожались, а в сельской местности использовались под склады или клубы. Ускоренная коллективизация сопровождалась получившей широкое распространение практикой раскулачивания, которая означала полную экспроприацию имущества и выселение кулацких семей. В отдаленные районы депортировались сотни тысяч человек. К кулакам были причислены и сельские священники. Раскулачивание на Урале началось в декабре 1929 г. Если к октябрю 1929 г. уровень коллективизации крестьянства Уральской области составлял 6—10%, то в феврале 1930 г. только в Свердловском округе он доходил до 72% (6).

Духовенство стали активно привлекать к трудовым повинностям, а в ряде случаев к уголовной ответственности, вменяя в вину контрреволюционную пропаганду. Аресты и обыски порой проводились без ведома ОГПУ. Например, начальник административного отдела милиции, обращаясь к своему подчиненному в п. Га-

ри, в ответ на его докладную пишет, что обыск у священника не был согласован с уполномоченным ОГПУ, обращает внимание на недопустимость таких действий и просит быть крайне осторожным (7).

Сопrotивление закрытию церковей носило массовый характер, но ответственность за это целиком возлагалась на духовенство. Так, узнав о решении закрыть церковь, священник с. Ницинское Ирбитского округа А. Кротенков и около 50 прихожан, запершись в храме, в течение 9 дней удерживали его. После ареста и недолгого разбирательства священник был приговорен к расстрелу (8).

С 1930 г. начались репрессии против обновленцев, которых ранее власти не трогали. Так, в течение года были осуждены несколько свердловских священнослужителей, и среди них член Митрополитанского Управления протоиерей С. Хлынов (9). К духовенству также применялись и меры административного характера. Так, протоиерей А. Старцев за венчание несовершеннолетней был приговорен к 6 месяцам принудительных работ (10).

В 1929—1934 гг. в Свердловской епархии было репрессировано 105 священнослужителей: 77 сергиевской, 17 обновленческой и 11 григорианской ориентации. Проследить репрессии по годам позволяют нижеприведенные данные.

Таблица 1

Распределение репрессированного духовенства Свердловской епархии по церковным ориентациям в 1929—1934 гг. (11)

Годы	Сергиевцы	Обновленцы	Григорианцы	Всего
1929	11	—	1	12
1930	34	9	3	46
1931	6	—	2	8
1932	24	2	5	31
1933	1	6	—	7
1934	1	—	—	1

Из таблицы видно, что пик репрессий пришелся на 1930 г., когда государство пыталось в полной мере реализовать программу борьбы с религией. После выхода известного постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором признавались перегибы, допущенные в отношении Церкви, последовал спад репрессий. В 1932 г. репрессии вновь набирают силу в связи с проводимыми мероприятиями ОГПУ по ликвидации монашеского и контрреволюционного элемента.

Анализ архивно-следственных дел священнослужителей позволил сопоставить количество арестованных и вынесенную им меру пресечения.

Таблица 2

Количество арестованных и вынесенных репрессивных решений в отношении духовенства Свердловской епархии в 1929—1934 гг. (12)

Годы	Кол-во арестованных	Кол-во приговоров к различным срокам	Кол-во приговоров к расстрелу
1929	12	12	—
1930	46	44	2
1931	8	8	—
1932	31	31	—
1933	7	7	—
1934	1	1	—
Итого	105	103	2

Применение высшей меры наказания (расстрела) обусловлено желанием властей запугать непокорное духовенство. Если в первом случае высшая мера была вынесена за открытое сопротивление власти, то во втором случае священнослужитель был приговорен к расстрелу за «контрреволюционную деятельность, выразившуюся в скупке мелкой серебряной монеты». При обыске у протодиакона Свердловска В. Лушниково было обнаружено и изъято 150 руб. сер. (13).

Дела репрессированных лиц позволили проследить возраст духовенства и составить следующую таблицу.

Таблица 3

Возрастной ценз духовенства Свердловской епархии на момент вынесения приговора в 1929—1934 гг. (14)

Годы	До 40 лет	От 40 до 50	От 50 до 60	От 60 до 70	Свыше 70 лет
1929	2	7	1	2	—
1930	8	16	14	8	—
1931	1	4	1	2	—
1932	4	6	16	5	—
1933	1	1	5	—	—
1934	1	—	—	—	—

Исходя из таблицы, мы видим, что основной возраст репрессированного в 1929—1934 гг. духовенства составлял 40—60 лет (71 чел.). Из общего количества (105) лишь 17 чел. имели возраст от 60 до 70 лет. О привлечении к ответственности духовенства старше 70 лет данных не выявлено.

Анкетные данные репрессированных священнослужителей позволили узнать, в какой местности они проживали и, соответственно, служили.

Таблица 4

Распределение духовенства Свердловской епархии по месту служения на момент ареста в 1929—1934 гг. (15)

Годы	Города и рабочие поселки	Села
1929	2	10
1930	8	38
1931	1	7
1932	8	23
1933	3	4
1934	—	1

Приведенные данные свидетельствуют о преобладании среди репрессированного духовенства сельских священнослужителей, особенно в 1929—1930 гг., что было обусловлено ходом коллективизации. К сожалению, не сохранилось сведений об удельном весе сельского духовенства в общем числе духовенства за эти и последующие годы.

С 1935 г. государственная политика в отношении к Церкви ужесточилась, участились аресты. Поводом для начала новой волны репрессий послужило убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. Вечером того же дня Политбюро по инициативе

Сталина приняло постановление, в котором следственным органам разрешалось вести дела обвиняемых ускоренным порядком, судебным органам запрещалось задерживать исполнение приговоров о расстреле из-за ходатайств о помиловании, а органам внутренних дел предписывалось расстреливать преступников немедленно после вынесения приговора (16). Принятое постановление поощряло произвол органов ОГПУ-НКВД, которые проводили все новые и новые аресты. Единственным доказательством вины арестованного являлось его «признание», выбитое следователем путем применения мер физического воздействия (пытки). Всем арестованным инкриминировалась контрреволюционная деятельность. Ходом репрессивной политики был недоволен Сталин, который 25 сентября 1936 г. в телеграмме членам Политбюро писал о плохой работе карательных органов и необходимости замены руководства НКВД (17). 3 марта 1937 г. он выступил на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» и призвал применять к врагам новые методы — методы выкорчевывания и разгрома (18). Заслушав доклад наркома внутренних дел Н.И. Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецких-троцкистских агентов», пленум своей резолюцией подтвердил мнение Сталина о запаздывании в разоблачении «врагов народа» и фактически передал органам НКВД неограниченные полномочия (19).

После окончания пленума количество арестов резко возросло. В жернова репрессивной машины попали многие советские граждане, независимо от партийной, национальной или религиозной принадлежности. Клеймо «враг народа» ложилось на каждого, кто был хоть в чем-то не согласен с проводимой сталинской политикой, имел «социально-чуждое» происхождение или был просто оклеветан. «Врагами народа» были объявлены и священнослужители. Секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков обратился к Сталину с предложением ликвидировать законодательство о культах, которое создало в стране «организационную основу для оформления наиболее активных частей церковников и сектантов в широко разветвленную враждебную советской власти легальную организацию в 600 тыс. чел.» (20).

2 июля 1937 г. было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах». Областным, краевым и республиканским партийным органам предлагалось в пятидневный срок представить в ЦК данные о составе троек, а также количестве подлежащих расстрелу и высылке (21).

30 июля 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов издал Оперативный приказ № 00447, согласно которому всем подразделениям НКВД предписывалось начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников. К антисоветским элементам были отнесены члены антисоветских партий, бывшие белые офицеры, жандармы, чиновники, каратели, респатрианты, а также церковники и сектанты. Все они были разделены на две категории: первую, наиболее враждебную — подлежащую расстрелу и вторую, менее активную, но все же враждебную — подлежащую заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет. Все республики, края и области получили свою квоту репрессируемых лиц. Сотрудникам органов НКВД было разрешено применение физического

воздействия к подследственным. Операцию предполагалось провести в 4-месячный срок.

Для того чтобы привлечь к ответственности как можно больше церковников, чекистами был сфабрикован материал о существовании Всесоюзной антисоветской церковной организации. Во главе организации якобы стоял объединенный церковно-политический центр под руководством митрополитов Виссариона (Зорина), Сергия (Страгородского) и Александра (Введенского). По мысли разработчиков, организация занималась антисоветской деятельностью, направленной против колхозного строительства, созданием повстанческих групп на случай войны с Советским Союзом и организацией террористических актов в отношении руководителей партии и правительства. Конечной целью организации было свержение советской власти. Руководители организации проводили активную работу по объединению всех течений Русской Православной Церкви. Соответствующие установки были даны всем областным и краевым управлениям НКВД, и по всему Советскому Союзу прокатилась волна арестов духовенства и активных членов церковных общин. Решающим доказательством вины подследственного стало его признание. Для вымогательства признания использовались методы физического воздействия.

По разнарядке Москвы в Свердловской области необходимо было репрессировать 10 тыс. чел.: 4 тыс. чел. по первой категории и 6 тыс. чел. по второй (22). Получив приказ, начальник Управления НКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриев (Плоткин) обратился к наркому внутренних дел Н.И. Ежову с ходатайством об увеличении количества репрессируемых по первой категории с 4 тыс. до 6 тыс. чел. (23). Чтобы выполнить взятые на себя обязательства, свердловские чекисты сфабриковали деятельность так называемого «Уральского повстанческого штаба», якобы объединявшего правых, троцкистов, эсеров и церковников. Представителями правых в штабе были названы секретари Свердловского обкома ВКП(б) Кабаков и Пшеницын, троцкистов — председатель Свердловоблисполкома Головин, эсеров — Агапов, церковников — митрополит Петр (Холмогорцев). Область была, якобы, разделена штабом на повстанческие округа, которые, в свою очередь, делились на роты и взводы. Руководство церковниками в повстанческих округах осуществляли авторитетные священники и благочинные. По мнению чекистов, наиболее крупные церковно-повстанческие организации имелись в Пермском округе (300 чел.), Коми-Пермяцком округе (200 чел.), Тагильском округе (100 чел.), Красноуфимском округе (100 чел.), Надеждинском округе (80 чел.), Березняковском округе (80 чел.). Остальные организации имелись в каждом районе Свердловской области и насчитывали от 10 до 30 чел. (24).

В Докладной записке НКВД о деятельности вскрытого Уральского повстанческого штаба говорилось, что по директиве Московского объединенного церковно-политического центра Уральская контрреволюционная организация церковников развила активную террористическую, повстанческую и шпионскую деятельность. Отмечалось также, что руководством организации церковников на Урале был разработан подробный план совершения диверсий в случае военного столкновения

СССР с капиталистическими державами. Далее в документе говорилось, что благочинные различных религиозных ориентаций создали в подчиненных им приходах первичные повстанческие ячейки во главе с приходскими священниками, вовлекая в них кулацко-белогвардейские элементы и даже сектантов. Для координации церковной повстанческой деятельности был создан «духовный совет» из представителей различных ориентаций в составе 20 чел. Руководители церковного подполья якобы были тесно связаны с иностранными разведками и проводили активную шпионско-диверсионную деятельность (25).

По всему Уралу прокатилась волна арестов духовенства. Вместе с архиереем, как правило, арестовывали его ближайших помощников — благочинных. Так, 6 мая 1937 г. в Свердловске были арестованы митрополит Петр (Холмогорцев) и архиепископ Петр (Савельев). Всего по делу проходил 21 чел., из них 8 священнослужителей. 17 октября 1937 г. четверо, в том числе архиереи, были приговорены к расстрелу. Остальные приговорены к 10 годам лагерей (26). 23 мая 1937 г. в Свердловске был арестован митрополит Свердловский Михаил (Трубин). Всего по делу проходили 5 священнослужителей. 25 сентября 1937 г. постановлением Тройки УНКВД по Свердловской области все они приговорены к расстрелу (27).

После ареста одного архиерея на его место назначался другой, однако и его постигала та же участь. Так, 11 февраля 1938 г. в Свердловске был арестован архиепископ Софония (Яскевич), прибывший вместо Трубина. Всего по делу проходили 88 чел., из них 5 священнослужителей. 26 февраля 1938 г. постановлением Тройки УНКВД по Свердловской области все они были приговорены к расстрелу (28).

В 1937—1938 гг. на Урале были арестованы и расстреляны 13 архиереев различных ориентаций: 2 сергиевской, 9 обновленческой и 2 григорианской (29). Количество репрессированных клириков только Свердловской епархии за этот же период составило 182 чел., из них 110 чел. были расстреляны (30). Всего в течение двух лет (1937—1938) в Свердловской области было репрессировано 45 823 чел., из которых 19 410 чел. были расстреляны (31). Для сравнения: в 1936 г. в Свердловской области были подвергнуты репрессиям 2428 чел. (32).

17 ноября 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (33). Документом прекращалось производство массовых арестов и выселений, запрещалось применение пыток и истязаний подследственных, ликвидировались Тройки. Некоторые сотрудники карательных органов поспешили проявить инициативу. Так, руководители Свердловского УНКВД Варшавский и Виктор-Новоселов без перепроверки и доследования освободили из-под стражи до 3 тыс. арестованных (34).

В результате последовавшей чистки органов внутренних дел большинство оперативных и следственных работников были освобождены от должности и отданы под суд. О механизме проведения массовых репрессий свидетельствовали сами палачи. Так, в показаниях оперуполномоченного УНКВД по Свердловской области Солоновича говорилось, что агентурных или каких-либо других материалов, которые бы подтверждали контрреволюционную деятельность арестованных

лиц, в большинстве случаев не имелось. Основанием для ареста часто служило социально-чуждое происхождение. При проведении массовых операций, сопровождавшихся огромным количеством арестованных, было невозможно, при небольшом штате следователей, развернуть обстоятельное расследование. Поэтому решающую роль играло признание арестованным своей вины, добытое с помощью незаконных методов следствия. Одним из таких методов была камерная обработка (35).

Начальник внутренней тюрьмы УНКВД по Свердловской области Талашманов в своих показаниях отмечал, что арестованные разводились по кабинетам следователей, где им предлагалось писать под диктовку заявления о причастности к контрреволюционной организации. Тех, кто соглашался написать — отправляли в камеру, а упорных продолжали допрашивать с помощью силовых методов. Одним из таких методов была так называемая «стойка», когда арестованного долгое время заставляли стоять и не разрешали прислоняться к стене. После применения методов физического воздействия почти все заключенные подписывали протокол. Из части арестантов был создан «актив», который помогал следователям выбивать признательные показания. Таким «помощникам» предусматривались поблажки тюремной жизни: разрешение на свидание с близкими и передачи продуктов (36).

Воскресенский, начальник следственной группы УНКВД, на суде показывал, что следствие по делам участников контрреволюционной повстанческой организации церковников проводилось незаконными методами, создавались вымышленные группы, связанные с повстанческим штабом (37).

Таким образом, в 1935—1941 гг. в Свердловской епархии были репрессированы 222 священнослужителя: 145 сергиевской, 54 обновленческой и 23 григорианской ориентации. Проследить репрессии по годам позволяют нижеприведенные данные.

Таблица 5

Распределение репрессированного духовенства Свердловской епархии по церковным ориентациям в 1935—1941 гг. (38)

Годы	Сергиевцы	Обновленцы	Григорианцы	Всего
1935	5	5	—	10
1936	7	5	1	13
1937	117	35	21	173
1938	6	8	1	15
1939	5	1	—	6
1940	4	—	—	4
1941	1	—	—	1

Из таблицы видно, что в 1937 г. было репрессировано подавляющее большинство духовенства. Причем репрессии ударили в равной мере по всем церковным течениям. С 1938 г. число репрессированных священнослужителей снижается на порядок, а затем и вовсе начинает падать.

Анализ архивно-следственных дел священнослужителей позволил сопоставить количество арестованных и вынесенную им меру пресечения.

Таблица 6

Количество арестованных и вынесенных репрессивных решений в отношении духовенства Свердловской епархии в 1935–1941 гг. (39)

Годы	Кол-во арестованных	Кол-во приговоров к различным срокам	Кол-во приговоров к расстрелу
1935	10	10	—
1936	13	13	—
1937	173	70	103
1938	15	2	13
1939	6	6	—
1940	4	4	—
1941	1	1	—

Следует признать, что репрессии 1935—1936 гг. в среде духовенства носили выборочный характер. Пик репрессий пришелся на 1937 г., когда более половины арестованных были приговорены к высшей мере наказания. Следующий год был отмечен почти 100% вынесением расстрельных приговоров.

Возраст репрессированных священнослужителей можно проследить по нижеприведенной таблице.

Таблица 7

Возрастной ценз духовенства Свердловской епархии на момент вынесения приговора в 1935–1941 гг. (40)

Годы	До 40 лет	От 40 до 50	От 50 до 60	От 60 до 70	Свыше 70 лет
1935	2	2	2	4	—
1936	—	3	9	1	—
1937	16	42	61	43	11
1938	1	3	6	3	2
1939	1	1	1	1	2
1940	—	—	1	3	—
1941	—	—	—	—	1

В приведенных данных просматривается, что основной возраст репрессированных священнослужителей составлял от 50 до 60 лет. Если до 1937 г. органы НКВД не привлекали к ответственности духовенство старше 70 лет, то с 1937 г. скидка на возраст уже не делалась.

Место служения репрессированного духовенства показывает следующая таблица.

Таблица 8

Распределение духовенства Свердловской епархии по месту служения на момент ареста в 1935–1941 гг. (41)

Годы	Города и рабочие поселки	Села
1935	4	6
1936	6	7
1937	69	104
1938	7	8
1939	2	4
1940	2	2
1941	1	—

Данные таблицы свидетельствуют, что различий между городскими и сельскими священнослужителями для органов НКВД не существовало, и те, и другие были репрессированы в равной степени, хотя в 1937 г. значительно возрастает удельный вес сельского духовенства.

Если в 1929 г. на территории Свердловского, Тагильского и Ирбитского округов Уральской области (что приблизительно соответствует территории нынешней Свердловской области) было зарегистрировано 565 священнослужителей (284 староцерковнической ориентации и 281 обновленческой) (42), то к началу войны были репрессированы 327 священнослужителей (256 староцерковнической ориентации и 71 обновленческой) (43). С учетом естественной убыли становится очевидным, что староцерковническое духовенство было истреблено практически полностью, тогда как обновленческое (более гибкое) сохранило себя, прекратив священническую деятельность.

В Свердловской области к 1 января 1937 г. имелось 340 действующих церквей различных ориентаций, из них 139 церквей находились на территории области в ее нынешних границах (44). Шел постоянный процесс закрытия церквей. Все решения местных органов по их закрытию стекались в областную культовую комиссию. В июне проведенная проверка выявила, что учет действующих церквей не проводился, жалобы религиозных общин, запросы местных органов власти и даже центральной культовой комиссии длительное время не разбирались. Далее в материалах проверки говорилось, что некоторые районы области к решению религиозных вопросов подходят формально, а председатели исполкомов искажают действующее законодательство и незаконно закрывают культовые здания (45).

Таблица 9

**Динамика закрытия церквей различных ориентаций
в Свердловской области (в современных границах) (46)**

Годы	сергиевской ориентации	обновленческой ориентации	григорьевской ориентации	Всего
1935	41	7	2	50
1936	29	6	1	36
1937	27	7	6	40
1938	21	8	4	33
1939	15	—	—	15
1940	6	4	4	14
1941	14	2	1	17

Из таблицы видно, что больше всего церквей было закрыто в 1935 г. В 1936—1938 гг. количество закрытых церквей уменьшается, а с 1939 г. и вовсе идет на спад. Происходит это по нескольким причинам. Во-первых, большинство церквей уже закрыто, а оставшиеся маленькие кладбищенские храмы не привлекают к себе внимания. Во-вторых, поскольку нет учета действующих церквей, то нет и спроса за них. В-третьих, среди советских управленцев имелось немало если не верующих, то сочувствующих религии. В результате к началу Великой Отечественной войны в Свердловской области осталось 20 незакрытых церквей — 17 храмов и 3 молитвенных дома, используемых 10 сергиевскими, 3 единоверческими и 9 обновленческими общинами (47).

В 1930-е гг. Русская Православная Церковь испытала доселе невиданные гонения в отношении духовенства и верующих. Пиком гонений стали массовые репрессии 1937—1938 гг., когда Церковь была полностью обезглавлена. Фабрикация дела о т.н. «Объединенном церковно-политическом центре» позволила чекистам привлечь к ответственности десятки тысяч священнослужителей и мирян по всей стране. Уральское духовенство в полной мере разделило участь своих со-

братьев из других регионов. Закрытие молитвенных зданий и изоляция церковно-приходского актива сделали свое дело. Казалось, что с религией в СССР покончено навсегда. Однако, несмотря на почти полный разгром (организационных) церковных структур, советская власть не смогла добиться главного — искоренения религиозного сознания людей. Начавшаяся Великая Отечественная война и перемена государственно-церковной политики открыли новую страницу в истории Русской Православной Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Цытин В., прот.* Русская Церковь. 1925—1938. — М., 1999. — С. 191—192.
- (2) Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. — Вып. 35. — Ст. 353.
- (3) Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. — Свердловск, 1938. — С. 24.
- (4) Безбожник. — 1929. — № 12. — С. 3.
- (5) ГАРФ. — Ф. Р-5446. — Оп. 1в. — Д. 457. — Л. 31.
- (6) Книга памяти / Составитель В.М. Кириллов. — Екатеринбург, 1994. — С. 34.
- (7) Нижнетагильский городской исторический архив. — Ф. Р-211. — Оп. 1. — Д. 154. — Л. 47.
- (8) ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 41470. — Л. 324.
- (9) Там же. — Д. 17151. — Л. 165.
- (10) *Лавринов В., прот.* Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922—1945 гг.). — М., 2007. — С. 122.
- (11) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 16764, 17151, 36585, 41470, 41750, 43499 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской области.
- (12) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 16764, 17151, 36585, 41470, 41750, 43499 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской области.
- (13) ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 36585. — Л. 76.
- (14) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 16764, 17151, 36585, 41470, 41750, 43499 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской области.
- (15) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 16764, 17151, 36585, 41470, 41750, 43499 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (16) Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. — М., 1991. — С. 31.
- (17) Там же. — С. 32.
- (18) Вопросы истории. — 1995. — № 3. — С. 10.
- (19) Там же. — № 2. — С. 22—26.
- (20) Цит. по: *Цытин В., прот.* История Русской Церкви. 1917—1997. — М., 1997. — С. 248.
- (21) *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е г. — М., 1996. — С. 188—190.
- (22) Расстрел по разнарядке, или Как это делали большевики // Труд. — 1992. — 4 июня.
- (23) Управление ФСБ России по Свердловской области. 1918—2003. — Екатеринбург, 2003. — С. 34.
- (24) ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 21438. — Т. 1. — Л. 180—192.
- (25) Архив УФСБ РФ по Свердловской обл. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 55—58.
- (26) ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 21438. — Т. 1. — Л. 400—420.
- (27) Там же. — Д. 28435. — Т. 5. — Л. 204—208.
- (28) Там же. — Д. 16822. — Л. 393.
- (29) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20106, 21438, 23140, 28435; ГАОПДКО. — Ф. 6905. — Оп. 2. — Д. 7294; Архив УФСБ по Челябинской обл. — Д. П-16271, П-19537, П-25163.

- (30) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (31) Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. — Екатеринбург, 1999. — Т. 1. — С. 6.
- (32) Жертвы репрессий. Нижний Тагил. 1920—1980-е годы / Сост. В.М. Кириллов. — Екатеринбург, 1999. — С. 94.
- (33) Органы государственной безопасности СССР накануне Великой Отечественной войны. Сб. док. Ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г. — М., 1995. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 3—9.
- (34) ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 23140. — Л. 15.
- (35) Там же. — Л. 36—38.
- (36) Там же. — Л. 165.
- (37) Там же. — Д. 15756. — Л. 539.
- (38) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (39) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (40) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (41) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (42) ГАСО. — Ф. Р-854. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 26—349 об.
- (43) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской области.
- (44) ГАРФ. — Ф. 5263. — Оп. 1. — Д. 1551. — Л. 30.
- (45) ГАСО. — Ф. Р-88. — Оп. 1. — Д. 4450. — Л. 507.
- (46) Подсчитано по: Хроника закрытия церквей в Свердловской области 1921—1941 гг. — Екатеринбург, 1997. — С. 1—28.
- (47) 120 лет Екатеринбургской епархии. История и современность / Сост. прот. В. Лавринов. — Екатеринбург, 2003. — С. 25.

REPRESSION AGAINST THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE URALS IN THE 1930S

V.V. Lavrinov

Archeological Society of Ekaterinburg Eparchy of Russian Orthodox Church
Repin Str., 6a, Ekaterinburg, Russia, 620086

This article is devoted to the history of repression against the Russian Orthodox Church in the Urals in the 1930s. The main directions of political repression, are provided by Rotary milestones in their implementation. Characterized by the methods, extent and consequences of the repressive activities of the OGPU-NKVD.

Key words: Russian Orthodox Church, Ural, religious organizations, collectivisation, closing churches, renovation movement in the Russian Orthodox Church, supporters of metropolitan Sergy, supporters of metropolitan Gregory, categories repressed priests, political repression.